

Михаил БУРШТЕЙН

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ
СЕМЬИ

За 55 лет работы в средствах массовой информации я написал много очерков о героях войны и труда, просто интересных людях. Готовил телевизионные и радиопередачи. Сотрудничал в газетах "Советская Белоруссия", "Літаратура і мастацтва", журналах "Беларусь", "Полымя", "Вожык". Много лет представлял в Белоруссии интересы журнала "За рулем". И, естественно, печатался в этом издании.

За все эти годы я ни разу не задумывался над тем, чтобы написать что-либо о моей многочисленной родине. Но вот редактор журнала "Мишпоха" предложил мне написать очерк. Большинство из тех, о ком я сейчас написал, давно ушли из жизни, погибли на фронтах войны, в концлагерях, гетто.

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА

Над моим рабочим столом висит любительский портрет моего отца - Соломона. Он был другом для меня и брата, старшим товарищем, который никогда не подводит. И я мысленно спросил у него, о ком и о чем написать. Мне показалось, что отец улыбнулся, прищурив чуть близорукие глаза и ответил:

- Пиши правду и только правду. Мы не лучше и не хуже других. Никогда не спекулировали своей совестью. Верно служили Родине.

Помню, пришло время моей учебы в школе. Было в ту пору в Минске несколько русскоязычных школ. Попасть в них было очень трудно. Заместителем заведующего городского отдела народного образования работал друг отца. Не помню его фамилию. Мы с братом звали его дядя Сережа. Он с женой часто бывала у нас дома. Своих детей у них не было. И они меня с братом баловали. Приносили книги, игры, сладости. Однажды, он посетовала отцу определить меня в четвертую русскоязычную школу. А когда друг ушел, отец тоном, не терпящим возражения, сказал, что я буду учиться в белорусской школе, что государственный язык я должен знать в совершенстве. Честно скажу, я по сей день благодарен за это отцу. Как журналист, я всю жизнь писал на белорусском.

Но вернемся к отцу. В семье его родителей было 14 детей: 10 мальчиков и 4 девочки. Как и родители, все стали партизанами. Старший сын Гриша, превзошел по мастерству своего отца. Вся улица знала, что у него золотые руки, что он умеет делать все: зашить самовар, кастроло, починить велосипед, ботинки и даже зуб удалить. Дома у него было много книг. Он покупал их в букинистическом магазине. Там было немного денег. Гриша владел польским и литовским языками. Русскому языку его научил революционер, скрывающийся от охраны. Дома говорили на идиш.

У входа в небольшой дом Гриши висела вывеска: "Шляхо быстро, хорошо и дешево". Его жена Рива не раз в сердцах говорила:

- Напиши бесплатно...

Гриша смеялся:

- Ничего. От меня не убавится.

Случилось так, что тяжело заболел, а вскоре и умер известный портной Вильноса, у которого шила одежду все городская знать. А главные актеры, писатели, музыканты.

И вот однажды пришла к Грише иза-

Мама - Раиса Бурштейн.

вестный в городе богат, человек образованный, интеллигентный, который много средств отдавал Вильноскому драматическому театру.

- Сшей мне, Григорий, модный и красивый костюм, - сказал он без предисловий и протянул портному рисунок костюма.

- Неплохо, - заметил Григорий. - Но если у господина есть время, я предлагаю нечто другое.

И он положил перед гостем журнал с моделями мужских костюмов. Почти к каждому из них мастер сделал свои поправки. Заказчик улыбнулся.

- Пожалуй, это будет лучше, - сказал

он и показал на один из рисунков с поправками мастера.

Перед уходом гость сказал, что костюм должен быть сшит за два дня, к премьере спектакля. В назначенное время заказ был исполнен. Гриша надел пиджак на казента. Оттопел в сторону, наклонив по привычке голову вперед и спросил:

- Как?

Заказчик стоял перед зеркалом и любовался костюмом. Его жена заметила, что костюм превосходно сшит. Гость щедро расценился с Григорием. А спустя примерно неделю к нему в дом пришел курьер и сказал, что мастера приглашают зайти директор театра.

Григорий извлек из шкафа костюм, который он надевал на паску, и поспешил в театр, в котором бывало только в мечтах.

Директор усадил Гришу в мягкое кресло, спросил о жизни, зарплате, о том, как он придумывает новые модели. А потом предложил работу. Улыбнулся и добавил:

- Портным, конечно.

От радости Гриша ничего не ответил. Директор рассмеялся:

- Будешь шить костюмы к спектаклям.

Заказов хватил и от актеров, и от других.

Спустя неделю Гриша дал три контраматри в театр. Выдал он с собой жену и брата Соломона. Моего отца. Вскоре о Грише узнали все состоятельные люди Вильноса. Гриша стал жить лучше. Двух дочерей близнецов определил в гимназию, купил новый дом. Библиотека портного пополнилась новыми книгами. Находил Григорий возможность помогать братьям и сестрам.

Однажды поздно вечером пришла к старшему брату Соломон. Чтоб не разбудить спящих детей, вышел во двор.

- Хочу уехать в Питер. Там революция, - сказал он коротко.

На следующий день вся семья провожала Соломона к поезду. Он уехал в Питер. И больше никогда в Вильносо не был. Никогда не видел своих братьев и сестер, родителей.

НОВАЯ ЖИЗНЬ,
НОВЫЕ ДЕЛА

В Питере отец некоторое время работал портным в небольшой артели. В 1917 году вступил в Коммунистическую партию. Спустя два года пошел служить в Красную Армию. Почти сразу назначили его комиссаром роты. После демобилизации из Красной Армии приехал в Минск.

Когда я однажды спросил у отца, почему он выбрал Минск, услышал в ответ:

- Я был уверен, что там я встречу новую красивую девушку и жизнь на ней.

Работал отец на минской швейной фабрике "Октябрь". Был секретарем партийной организации цеха. Как активиста послали его на полугодовые курсы при ЦК Компартии Белоруссии. После их окончания отец почти шесть лет возглавлял партийную организацию медицинского института. Потом была учеба в Коммузе. Пять предпоследних лет отец заведовал отделом еврейской газеты "Октябрь".

Далеко не все было гладко в его жизни. В 1929 году на съезде отец был избран членом ЦК КП(б)Б. Став активно работать в коллегии по расследованию партийных дел. Однажды в руки отца попало дело заместителя председателя Круп-

Отец - Соломон Бурштейн.
Фото 1941г.

Помните, перед самой войной отец познакомил в Ригу. Там жила его сестра Анна. Она была баловницей семьи. Красавица. Пельменная коса до пояса. С помощью старшего брата Гриши окончила гимназию. Анна владела английским и французским

Михаил Бурштейн.
Фото 1944г.

ского района Анатолия Цвика. Был он членом партии с дореволюционным стажем. Отец дружил с Цвиком много лет. В деле лежало несколько анонимных писем. В одном сообщалось, что Цвик был анархистом. Автор другого писал, что Цвик за государственные деньги построил себе дом. Отец знал, что дом в Крутках достался жене Цвика Наташе по наследству. Да и какой это был дом! Две небольшие комнатки и погреб. За несколько дней до заседания комиссии отец приехал в Крутки, встретился с женой Цвика Наташей, преподавателем математики в одной из школ. Она-то и сказала отцу, что копии анонимок уже лежат в райкоме партии. Встретился отец и с Анатолием Цвиком. Он сказал, что его родной брат Петр был анархистом, но во время Октябрьской революции вышел из этой партии, участвовал в гражданской войне на стороне красных. В одном из боев Петр погиб.

Как мог отец защищать друга на заседании партийной комиссии. Но это не помогло. Цвик был арестован. Исключен из партии его жена Наталья. Отец получил строгий выговор за дружбу с "врагом народа" и был выведен из партийной комиссии. Я и по сей день не могу понять, как он избежал исключения из партии и ареста.

Спустя месяц после начала Отечественной войны Анатолий Цвик был освобожден из лагеря. Он сразу поехал в Красную Армию. Его восстановили в партии. Вскоре разыскал моего отца, нашел жену и сына. Под Берлином Анатолий Цвик погиб. После войны отец встретился с его женой Натальей, помог ей восстановиться в партии, устроиться на работу.

языками.

Однажды Анна познакомилась с очередным клиентом Гриши. Им оказался молодой фармацевт из Риги. Он окончил питерский фармацевтический институт, гостил в Вильнюсе у своего друга. И вскоре Яков - так звали молодого фармацевта - увез Анну в Ригу. Время от времени отец получал от нее письма. И вот разговор по телефону за несколько дней до начала войны. Говорили, естественно, на идиш. Варут выглаголивый голос телефонистки: "Говорите по-русски, иначе отключу". Отец принял приглашение сестры и на 26 июня купил билет в Ригу. Но началась война. С Ригой связь была прервана.

Прошли годы, и отец начал разыскивать сестер, братьев. Из Риги, Вильнюса писем не получал. В 1947 году отец поехал в Ригу. Там он узнал, что Анна и ее муж Яков были в гетто и вместе с другими евреями их расстреляли.

Грозный вал войны уже катился по городам и селам Белоруссии. В первый же день нацистского нашествия отец пошел в ЦК партии. Там формировался истребительный батальон. Бойцами его стали, пожалуй, все партийные активисты города. Большинство бойцов батальона с времен гражданской войны оружие в руках не держали. Только несколько командиров являлось, относительно недавно отслуживших срочную службу, хорошо владели оружием.

К Москве пришло менее половины личного состава истребительного батальона. Там он был расформирован. Отца отправили в войска, которые доставляли к фронту боеприпасы, продовольствие, обмундирование.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

В 1946 году в Минске стали собираться оставшиеся в живых мои родные.

Первой приехала младшая сестра моей мамы Соня со своей дочерью. Все военные годы они шли обмундирование для армии. Вскоре демобилизовался и отец. Он привез мать и моего младшего брата Илью. Брат поступил в Белорусский государственный университет на филологический факультет. Одновременно учился на французском отделении института иностранных языков. Закончил учебу, и его послали работать в Брест. Там познакомился с девушкой, закончившей Московскую консерваторию. Спустя год они поженились.

В крошечной 12-ти метровой коммуналке в переулке Берсона в Минске обитали многие члены большой семьи. Демобилизовался из армии мой двоюродный брат Лев Баранский. Вернулся из Казахстана его жена. В июле демобилизовался и я. Всего в этой коммуналке собралось 12 человек. Мужчины спали во дворе. Благо, было теплое лето сорок шестого года. Женщины по очереди ночью готовили еду, а днем все искали работу. Труднее всех пришлось отцу. Еврейская газета "Октябрь" не издавалась. И он более трех месяцев ходил по кабинетам горкома, обкома, ЦК партии. Наконец его направили на должность заведующего партийным кабинетом тракторного завода. Потом переехал на работу в одно из ремесленных училищ. Был заместителем директора по культурно-воспитательной работе. И вот однажды пригласили отца в Сталинский район партии. Первый секретарь райкома сказал, что надо на заводе "Стальконструкция" навести порядок с кадрами. Большая текучесть. Люди не задерживаются более трех месяцев. На этом предвидит отец проработал до конца своих дней.

Сестра мамы, Соня, у которой мы все обитали, ничего не знала о мне и муже. Только в конце 1947 года она получила известие, что ее сын, Лев Давидович Рудницкий, 1923 года рождения, лейтенант истребительной авиации, погиб под Берлином 25 апреля 1945 года. Спустя примерно полгода ее пригласили в военкомат и вручили две медали "За отвагу" и орден Красного Знамени, которыми был награжден ее сын Лев Рудницкий.

О судьбе мужа тети Соны узнала в 1955 году. Давид Рудницкий, 1901 года рождения, автоматчик, погиб под Варшавой. Похоронен в братской могиле. Среди 25-ти солдат и офицеров, похороненных в ней, есть и его фамилия.

Мы с братом всю жизнь были очень близки. Всегда помогали друг другу. Старший сын брата, мой тезка Михаил Бурштейн, кандидат математических наук, с красным дипломом закончил Томский университет. Человек разносторонне образованный, деловой, очень добрый, он сейчас живет в Калифорнии, руководит фирмой, которая выпускает программы для компьютеров. Отделением его фирмы есть во многих странах Европы и Америки.

Младший племянник, Семен Бурштейн, врач. Добрый и порядочный человек, хороший семьянин. Мою брату и его жене Эмме повело с сыновьями. А мне - с племянниками.

Нет оснований жаловаться и на мою семью. Жена Лия инженер, много лет работала в конструкторском бюро тракторного завода, завода им. Кирова. Я всегда удивлялся, как она успевала, придя с работы, и обед успевать приготовить, и квартиру убрать, и просесть за тем, как внучка готовит ужины. Да еще посоветует, какой костюм надеть завтра на работу. Дочь моя Ириша зооинженер, ее муж Юрий врач. Внучка тоже медик. Есть у меня и правнук, зовут его Мишкой.

ПРОВОКАЦИЯ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Люди моего поколения на всю жизнь запомнили историю с врачами-отравителями. Тогда в 1952 году работала я корреспондентом газеты "Строитель транспорта".

Однажды позвонил мне в редакцию отец. Был он изволнован и попросил срочно прийти домой.

- Радио сегодня слушал? - спросил отец, не ответив на мое приветствие.

- Слушал, - отвечаю я.

- Наверное, слушал не то, что надо.

И рассказал, что поздно ночью удалось ему поймать "Голос Америки". Глушить стали только тогда, когда передача уже заканчивалась. Отец рассказал мне нечто невероятное. Арестована большая группа врачей, которые обвиняются в подготовке убийства руководителей государства. Среди арестованных большинство были евреи, в том числе старый приятель отца профессор Вовси. Оглушенный, сидел я рядом с отцом.

- До официального сообщения в нашей прессе ни с кем об этом не говори, - строго сказал он.

В шесть утра услышала я сообщение ТАСС об аресте врачей-отравителей. Звучала информация из ряда городов Советского Союза. Все возмущались подлыми убийцами в белых халатах.

Со свежими газетами, купленными в киоске, я поспешил в редакцию. Редактор Василий Трушкин, с которым я была в дружеских отношениях, сказал, чтобы я вышла командировку в Брест.

- Отъезди? - спросил я.

Редактор окинул меня критическим взглядом и ответил:

- Ты что предлагаешь?

Я вышел на улицу. Служебный билет, дающий право бесплатно ездить по всем дорогам Советского Союза, был у меня в кармане. До отправления поезда оставалось не многим более получаса. Я успел забежать домой, взять с собой постоянное спутника редакционных командировок - фотоаппарат "Киев", и поспешил к поезду.

В Бресте сразу пошел к заместителю начальника Брестского отделения железной дороги по политической части. Были мы с ним в хороших отношениях. Едва

успел поздороваться, как раздался телефонный звонок. Начальник отделения приглашал срочно зайти. Он показал мне пачку машинописных страниц и посоветовал прочесть.

Я обматся холодным потом, читая страницы. Это были протоколы рабочих собраний в паровозном депо, вагонном участке, дистанциях пути и связи. В резолюциях всех этих собраний звучало требование

убийцах в белых халатах. Он первым и предложил выслать всех евреев в Сибирь. Кстати, замечу, как я потом узнал, что бараки для приема их были уже построены.

И вдруг, словно гром среди ясного неба: - Прекратите провокацию! - это был голос молодого специалиста, недавно окончившего институт. Какие убийцы? Это выдвинулось медики. Этингер спас жизнь моей жене. Вы все знаете, что я Зою полюбил в Москву. Заря, в Бресте, врачи сказали, что она обречена.

Партийный секретарь растерялся. - Что вы несете, Сережа? Это выпад против нашей партии, - только и смог он выговорить дрожащим голосом.

В зале начался шум. Некоторые поддержали Сергея, стали говорить о хороших врачах-евреях, у которых они лечились. И тогда на помощь партийному вожаку пришел директор. Он объявила собрание закрытым.

На улицу мы вышли вместе с Аркадием Быхером.

- Не переживайте еще порядочные люди, - заметил Аркадий, широко улыбаясь.

Я спросил у друга, будет ли он писать об этом инциденте.

- Правду не напечатает, - сказал Аркадий.

В тот день в брестском городском театре была премьера. Название спектакля я не помню. Аркадий показал мне пропуск на два человека. В киоске театра продавались газеты "Правда", "Известия", "Труд" и чрезвычайно быстро изданная брошюра об убийцах в белых халатах. На обложке карикатура человека с крошечными носом и топором в руках, с которого капала кровь.

На следующий день я вернулся в Минск. Вышел номер газеты "Строитель транспорта". В нем было сообщение ТАСС о врачах-отравителях. Без редакционных комментариев, без откликов. Это уже был вызов. Я удивился моему приятелю, редактору Василию Трушкину. В тот же день нас вызвал к себе начальник политдела железнодорожного строительства. На столе у него лежали газеты, в том числе и наша "Строитель транспорта". Он отчитал нас, а вечером на заседании парткома редактору газеты и мне объявили по строгому выговору.

Спустя несколько часов отец узнал об этой истории. Сказал, что мне может не повезло. И, правда, одному из членов партийного бюро поручили проверить, как я плачу партийные взносы с гонорара, получаемого в других изданиях. А публиковался я в газетах "Советская Белоруссия", "Агартура и мастацтва", выступал на белорусском радио. Партийные взносы платил с учетом гонораров, но проверяющий установил, что я не доплатил три рубля. И вот партийное бюро снова объявляет мне строгий выговор. Однако партийное собрание не согласилось с этим высказыванием и ограничилось разговором. Но начальник строительства и руководитель политотдела передали мое дело в Кагановичский райком партии, и там еще один строгий выговор мне объявили, хотя первый секре-

Яша Баранский.
Фото 1942г.

выслать евреев в Сибирь, бойкотировать посещение врачей-евреев в железнодорожной поликлинике.

Я не дождался прихода хозяйина кабинета и поспешил к старому другу Аркадию Быхеру, который и ту пору работал корреспондентом брестской областной газеты "Заря". Сейчас Аркадий руководит Брест-

Михаил и Фима Фридлянд.
Фото начала 50-х гг.

ской еврейской общиной, организацией ветеранов войны, занимается вопросами Холкоста.

Быхера в редакции не было, коллеги сказали, что пошел на молочный завод, где проводится собрание о врачах-отравителях. На завод я попал, когда собрание было в разгаре. За столом президиума сидели секретари партийной и комсомольской организации, директор предприятия и один из передовиков производства. Дежурный набор, как было в те годы. Секретарь парткома держал "Правду" и читал статью об

тар райкома наступал на исключение.

Незадолго до всей этой истории руководители треста строили себе дачи. Сотрудники редакции отказались от участия в этом деле. Дачи же сооружались полностью за счет государства. Те, кому их строили, оплатили только дверные ручки, так как красивых на складе не оказалось, и пришлось покупать их в магазине. А я написал об этом для "Советской Белоруссии" фельетон "Сами садим мы садим". Секретарь райкома тоже получила бесплатную дачу. Как после этого было ставить вопрос об исключении меня из партии. Но не исключали, отстоял меня член бюро, начальник районного отдела милиции, очень порядочный человек.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ ДЕДА МОИСЕЯ

Расскажу о семье моего дедушки со стороны мамы. У деда Моисея и бабушки Софы было одиннадцать детей. Родители соблюдали религиозные законы. Дети же нет.

Дедушка и бабушка рано умерли, главой семьи стал их старший сын Осип. Кроме него все стали портными. Когда Осипу исполнилось тринадцать лет, отец подарил ему ботинки. Я не скажу, что дети ходили босиком, но обувь, как и одежда, передавалась от старших младшим. Одежда перешивалась, переидывалась, носили ее до дыр.

Как-то к деду Моисею Баранскому зашел сосед Василий Малевич. Работал он мастером на колочной фабрике, жил в соседнем доме. Принес конверты детям, а на стол поставил бутылку водки-монополии, купленную в шинке.

- Моисей, - обратился он к соседу, - твоя Софа пригласила меня на фаршированного карпа.

За столом говорили о жизни, о детях. Вот тогда и сказал гость, что готов выполнить обещание и взять Осипа к себе в ученики. Уже на следующий день Василий Малевич привел мальчишку на фабрику. Что только не делал Осип в цехе! Подával заготовки, убирал станок, выметал стружки. В свободные минуты внимательно следил за проворными руками мастера, - за тем, как заготовка превращалась в колочку, без которой не сошьешь обувь. Спустя два месяца мастер спросил у Осипа:

- Ты чему-нибудь научился?

- Да, дядя Вася, - ответил Осип, - и проворно закретил заготовку, вложил станок.

На лице мастера появилась улыбка. Похвалил ученика Малевич.

Более года работал парнишка подсобником. А потом случилась авария. Один из станочников повредил руку. Осип заменил его. Так всю довоенную жизнь он и проработал на фабрике. На этой же фабрике познакомился с подсобницей Эстер и женился на ней. В люди вышли их дети. Лев окончил рабфак, химический факультет политехнического института. Две дочери - Аня и Маруся - стали бухгалтерами, вышли замуж за хороших белорусских парней. Маруся осталась жить в Борисове, Аня

уехала к мужу в Речицу. Когда грянула война, Осип пошел в военкомат. Там сказали, что призвуют, когда будет необходимо. Как-никак три года был секретарем цеховой партийной организации и потому полагаю, что в армию его призвуют сразу. Не получилось. Пытался попасть в проходящую часть, но не вышло. Пришел к другу Сергею Ляхову, измаз обиду.

- И меня, Осип, тоже не взяли. Сказа-

Племяник Семен Буритсейн. Фото начала 80-х гг..

ли, без нас справится. - Улыбнулся и добавил: - Есть одно дело. Отступающие части не всегда могут вывести всех раненых. Давай будем укрывать их в наших домах.

Осип согласился. На следующий день его пригласили в горком партии. Секретарь горкома сказал, что надо уходить из Борисова. Осип не-

Илья Буритсейн с сыном Михаилом. Фото 80-х гг.

мого помолчал и ответил:

- Уехать не могу. Вчера у жизни инфаркт случился. Врач запретил ей двигаться. Буду в Борисове помогать нищим, как только смогу.

Примерно спустя месяц Осип Баранский привез на тележке домой раненого лейтенанта. Сын его друга Анатолий работал на "скорой помощи". Осип пригласил его домой осмотреть раненого. Анатолий и оказал ему первую помощь.

Держать раненого дома было опасно. Осип подобрал в ближайшей деревне безопасную квартиру. После выздоровления по-

мог офицеру уйти в партизанский отряд.

Однажды к Осипу пришла знакомая воякино друг Ляхов и сказала, что по всему городу вывешены объявления о том, что все евреи должны переселиться в гетто.

Уйти в гетто Баранский не успел. Кто-то из соседей делал, что он коммунист. Осип вместе с женой были расстреляны.

В Борисове жила со своей семьей дочь Осипа - Мария. Муж ее Николай был в армии. Мария с родителями мужа и полуторогодовалой дочуркой осталась в Борисове. Вскоре и Мария оказалась в гетто. Родители мужа белорусы спрятали ее дочь в подвале. Спусти несколько дней к ним в дом пришла полицейский. Он был одноклассником Марии.

- Где Мария? - спросил он без предисловий.

Услышав ответ, полицейский протянул свежеровый паспорт Марии и сказал, в нем записано, что она армянка.

- Найдите возможность передать ей. Я сам не могу это сделать.

Полицейский подошел к дверям. На минуту остановился.

- Если у вас есть лишние часы, кольцо, перстень, передайте немцу из охраны. Они на это клюют.

Спусти несколько дней, когда Мария уже была дома, полицейский заглянул еще раз.

- Это все, Мария, что я мог для тебя сделать. Попроси деда Матвея и бабу Макрину никому не рассказывать о моем приходе.

Спусти семь месяцев большую группу белорусских женщин немцы отправляли в раб в Германию. Среди них оказалась и моя двоюродная сестра Мария. Паспорт с армянской национальностью помог ей остаться живой. А ее дочь бабушка с дедом притаили в подвале до освобождения Борисова.

В ту пору я служил в войсках по охране железных дорог. Попал туда после второго ранения. Иногда приходилось бывать в Борисове. Вот тогда я и познакомился с бывшим "полицейским" Нинтой Лобановым, который спас от верной смерти многих евреев, помог бежать им из гетто в партизанский отряд. Тогда в газете "Звезда" я опубликовал очерк о сыне белорусского народа Нинте Лобанове.

И ПОРТНОЙ, И СНАЙПЕР

Дядя Яков был мадзином в семье родителей моей мамы. Как все его братья и сестры, он был портным. Работал до войны на млинской швейной фабрике "Октябрь". Жил в крохотной коммуналке с женой и сыном Левушкой. На фабрике Яша был активистом. Руководил стрелковым кружком. Значок "Ворошиловский стрелок" никогда не снимал с пиджака. В первые дни войны пришел в военкомат и показал свой значок. Это и определило его военную судьбу. Невысокий, худощавый, Яша Баранский стал снайпером.

Помню август 1946 года. Яша только демобилизовался. Я спросил, где и как

вова. Дядя Яша махнул рукой и отвел:

Стыдно людям в глаза смотреть... Случилось это в августе 1942 года. На счету снайпера стрелковой роты красноармейца Якова Баранского было уже 12 фрицев. В одном из боев он вынес с поля боя тяжело раненого командира дивизии и доставил его в медицинский санитарный батальон. Брочки-гайфре пришлось снимать с помощью ножниц. Потом он спросил у медицинской сестры, можно ли найти в этом доме швейную машину. Медсанбат размещался на первом этаже трехэтажного здания, жители которого бежали от войны. В одной из оставленных жильцами квартир стояла швейная машина "Зингер". Спусти двадцать-тридцать минут брочки были починены. А на следующий день вызвали красноармейца Якова Баранского к заместителю командира дивизии. Он внимательно взглянул на солдата, улыбнулся и сказал:

- Молодец, Баранский. Герой. А с виду неказистый...

Заместитель командира дивизии по политической части вручил Якову медаль "За отвагу". И немедля была издан приказ о переводе его в хозяйственный взвод портных. И стал Яков подгонять гимнастерки, брочки. Когда удавалось, на день-два отправлялся в свою роту и снова на время становился снайпером.

Войну Яша Баранский закончил под Кенигсбергом. Вернулся в Минск. Стал снова работать портным. Новые костюмы шил редко. Денег у мяжик было мало, да и шить трудно было кутить. Сын его, Левушка, учился в ремесленном училище. Стал слесарем-агрегатником на тракторном заводе.

Как-то однажды мастер завел разговор о том, что в годы войны евреи воевали в Ташкенте, а сейчас занимают самые высокие должности. Лева не удержался и ударил мастера отверткой. За хулиганство получил год колонии. Домой вернулся, убежденный в том, что с антисемитами надо бороться. Сейчас Лев Баранский на пенсии. Считает, что живет по совести.

ПУТИ-ДОРОГИ ФРИДЛЯНДОВ

Сестра моей мамы Блюма была женщиной деловой, толковой. Кончила хедер и семилетнюю белорусскую школу. Среди сестер считалась самой образованной. Муж ее Исаак учился некогда в сельскохозяйственном техникуме. Работал в одном из колхозов Могилевской области. Очень любил животных, умел за ними ухаживать. Райисполком назначил его на должность зоотехника, а потом директора скотопрогонного пункта.

Не числясь ни на какой должности, тетяшка Блюма активно, в полном смысле этого слова, вмешивалась в производственную жизнь скотопрогонного пункта. Следила за кормлением животных, часто сама чистила коровник, проверяла, как животные приживают в весе. И помогала ей в этом сыновья Мisha и Фима. Придут из школы и сразу на ферму. Была у тетишки и своя корова по кличке Машка. Корова была зоо-

женная.

Однажды пришла Блюма на собрание работников откормочного пункта. Приехала на задней скамейке и слушала, как Исаак, ее муж, отчитывала скотника Игната за пьянство на работе.

- Гнить его надо, - сказала она на весь зал. - Коровы в дереме по горло, а вы его воспитываете.

Сказала и ушла. Вечером мужа "воспитывала" дома. А в выходной день собрала всех женщин на воскресник. Ферму привели в порядок. Бедадельника и пьяницу-скотника уволили. Прошел месяц, и жена скотника Агрипина пришла к Блюме:

- Прости его, дурака, Блюма. В рот эту гадальню больше не берет.

Блюма улыбнулась:

- Пусть выходит. - И крикнула мужу,

Жена - Лия Буртсин.

который запрягал кони: - Исаак, пусть Игнат выходит на работу. Я сама за ним прослежу...

Спусти много лет после войны писательница Светлана Алексиевич на одной из читательских конференций подарила мне свой двухтомник, который только вышел из печати. В нем были две документальные повести: "У войны не женское лицо" и "Последние свидетели". Читал их с большим интересом. В повести "Последние свидетели" в главе "Белая рубашка в темноте далеко светится" читаю о своих братьях Фиме и Меше. Вот что рассказывает в книге Ефим о том, как он, девятилетний мальчуган, и его старший брат Мisha, которому у ту пору было 13 лет, вместе с зоотехником и их мамой спасли от немцев стадо племенных коров. "Ехали на подводе, а впереди шло стадо. Оттуда (до войны он был в Хотимске директором "Заготкорма") мы знали, что это не обычные коровы, а племясто, которое за большие деньги купили за границей. Помню, как отец не мог мне объяснить, сколько это "большие деньги", пока не привел пример, что каждая корова стонк как танк. Раз так, значит очень много. Берегли каждую корову."

Поскольку я рос в семье зоотехника, животных любил. Когда после очередной мобилизации остался мы без телеги, я шел впереди стада, привязавшись к быку Васке. У него в носу было кольцо, за кольцо привязана веревка, а коцком веревки я себя привязывал. Коровы долго не могли привыкнуть к бомбежке, они были тяжелые, не приспособленные к большому переходу, а их закреплялись копыта, они странно устояли. После обстрела их трудно было собрать. Но если вылезали на дорожку бык, они все шли за ним. А бык слушался одного мени.

Мать ночью выставляла где-нибудь мою белую рубашку. На рассвете: "Подъем!" кричит старший лейтенант Турчин. Надеваю белую рубашку, беру быка и идем. Вот помню, что все время был в белой рубашке. В темноте она светится, далеко всем мени видно. Спал рядом с быком, под его передними ногами - так было теплее. Васья никогда не вставал первым, ждал, пока я встану, чувствовал, что рядом с ним ребенок. Я ложился с ним и никогда не вставал. Пешком дошли до Тулы. Людей оставалось мало. У коров раздувались вымя. Не успевали их выдвигать. Вымя болит, корова становится воле тебе и смотрит. У меня сводило руки. В день отдавали по 15-20 коров. Как сейчас вижу: лежит на дороге корова с перебитой ногой, из перебитого вымени каплет молоко. Она смотрит на людей и, кажется, что плачет. Солдаты увидели - за автоматы: пристрелите. Я попросил их: "Подождите..."

Подхожу и сдаваю молоко. Корова благодарно жмет мне плечо. "Ну, - поднимайся, - теперь стреляйте..." А сам убегаю. Чтобы не видеть.

В Туле узнаю, что весь пригнанный нами племенной скот пойдет на мясокомбинат, девять его больше некуда. К городу подходили немцы. Я надею белую рубашку и пошел прочтаться с Васькой. Бык тяжело дышал мне в лицо...

На этом рассказ моего брата Ефима о спасении племенного скота в книге Светланы Алексиевич заканчивается. А я сижу с Ефимом в его доме. Его жена Клара накрыла на стол. Выпили по рюмке водки. Я слушаю продолжение рассказа о том, как Ефим, Мисхан вместе с их мамой и старшим лейтенантом Турчиным пошли к начальнику эшелона, который только что доставил роту солдат для защиты Тулы. Они не объясняли ему, что такое племенное стадо. Начальник эшелона был зоотехником, работал в райсплокоме и знал семью Фридландов, спустя час все стадо племенного скота было погружено в вагоны. Их отправили в глубокий тыл страны.

Закончилась война. Братья Фима и Мisha с их мамой Блюмой вернулись в Минск. В сельскохозяйственной академии Фиму не допустили даже до экзаменов. Председатель приемной комиссии, к которому Ефим пришел жаловаться, сказал четко: "Сельское хозяйство обойдется без евреев".

После Ефим учиться на вечернее отделение политехнического института.

Работал мастером, инженером, заместителем директора комбината снимковых изделий, но всю жизнь тосковал по животным, которых любил, умел за ними ухаживать.

Заслуженным строителем Беларуси стал его брат Михаил. Из отца Исаак всю оставшуюся жизнь отдал уходу за животными.

АНТОН - АБРАМ

Была у моего дяди Давида Пучинского, который жил в Смоленских, небольшая кузница. Большинство жителей районного центра, у кого были лошади, пользовались его услугами. Подковывал он лошадей быстро и недорого.

Пришла однажды к нему друг-белорус Янка Лобанов с женой Антоюй и маленьким сынишкой Антошей. Шел ему в ту пору второй годик.

Давид и его жена Хая любими Антошку, и при необходимости Лобановы оставляли его у Пучинских. Вот и сейчас они принесли сынишку и сказали, что пойдут с женой в деревню корову покупать.

На следующие сутки все в Смоленских узнали, что Янка и Антоя Лобановы ограблены и убиты в лесу.

Никого родных у Лобановых не было. Маленький Антошка остался в еврейской семье Пучинских.

Хая сказала Давиду, что он будет их сыном. Своих детей у них еще не было. Только шесть месяцев как поженятся.

Всеми правдами и неправдами сумел Абрам оформить документы, и Антоша стал их сыном. Временами Давид называл малыша Абрашкой. Так вот и вырос Антоша-Абрама.

Спустя два года родилась у Пучинских дочь Полина, а потом еще одна - Фаня.

Никто из родных и близких так и не узнал о том, что Антоша не родной сын. Я же об этом узнал от отца в 1942 году, когда он рассказывал мне после ранения в московском госпитале. И рассказал только потому, что некогда помог Давиду в оформлении документов.

Когда Антошу отметили бар-мицу, Давид повел его на кладбище.

- Ты уже взрослый, Антоша, должен знать правду. Здесь похоронены твои родители.

Антон-Абрам прижикал к Давиду.

- А ты кто?

Давид обнял мальчугана:

- Мы с Хайей тоже твои папа и мама.

И он рассказал ему все.

Незаметно летели годы. Антон-Абрам Пучинский окончил сельскохозяйственный техникум, работал в местном колхозе. Полина училась в педагогическом институте. Изучала немецкий язык. Фаня тоже собиралась в педагогический.

У Антоша-Абрама была уже своя семья. Жена его, Зоя, тоже была зоотехником. За несколько дней до войны их дочурке исполнился год. Жили все вместе. Дом был большой.

Дочь - Ирина Ласточкина.
Фото 1990г.

Внучка -Таня Ласточкина

Правнук - Михаил Ласточкин.
Фото 1995г.

На третий день после того как немцы пришли в Смоленичи, Антон-Абрам ушел в лес. Там формировался партизанский отряд. Однажды поздно ночью он пришел в Смоленичи. Улица, на которой жили Пучинские, была ограждена колючей проволокой. Она вошла в район гетто. Антон подождал, пока пройдет немецкий солдат, и прополз под колючей проволокой, пробрался к своему дому. Там было все перевернуто. Зашел к соседям. Они-то и рассказали, что в некоторых домах была обсык. У Пучинских нашли комсомольские билеты сестер. Вся семья с крохотной дочуркой Антоша-Абрама была расстреляна. В день, когда Советская Армия вошла в Смоленичи, Антон-Абрам Пучинский, стал ее солдатом. О его дальнейшей судьбе я, к сожалению, ничего не знаю.

И КОРОТКО О СЕБЕ

Война ворвалась в мою жизнь в расвете 22 июня 1941 года. Был я в ту пору юнкитом пионерского лагеря под Нарочью. Четыреста шестидесят детей. Тридцать детей польских евреев, которые в 1939 году бежали с родителями в СССР от Гитлера. В 1940 году Сталин отправил их родителей в наши концлагеря. 30 детисек были определены в один из минских детских домов. За их судьбу мы боялись больше всего. Да и детей белорусских евреев в лагере было достаточно. Чудом удалось нам раздобыть железнодорожный состав, и весь лагерь вывезли в Мордовию.

10 сентября 1941 года добровольно пошел на фронт. Зачислили меня в 7-ю воздушно-десантную бригаду. Дважды был ранен, контужен. Был рядовым, командиром отделения, помощником командира взвода, командиром батальона. Активно писал в дивизионную газету "За Родину!". Видно, это и определило мою профессию. Стал журналистом.

Демобилизован в 1946 году. Всю жизнь и по сей день связан с белорусским радио. Был корреспондентом журнала "За румем" по Беларуси, печатался в газетах "Советская Белоруссия", "Минская правда", журналах "Беларусь" и "Воляк".

В настоящее время возглавляю Белорусский Союз евреев-ветеранов войны.

***

Я рассказывал о судьбе далеко не всех членов моей многочисленной семьи. И сегодня я не знаю ничего о тех, кто уехал из России в Америку в 1910-1915 годах. Мало знаю о тех, кто являлся в Литве и Латвии.

Те же, кто жил в Беларуси, добросовестно трудились на фабриках и заводах, в колхозах, школах и институтах... Все мужчины служили в армии в годы войны. Все отмечены орденами и медалями. Никто не спекулировал своей совестью. По этому принципу живут сегодня и, надеюсь, будут жить наши потомки.